

Н

а юге Россошанского района, недалеко от села Еленовка, есть место, связанное с литературной жизнью России конца позапрошлого века. Над крутым склоном поросшей лесом балки, среди степного простора стоял тогда здесь небольшой хутор Ржевск. В 1888 году в нем поселился Владимир Григорьевич Чертков, близкий друг Льва Николаевича Толстого. Тремя годами раньше по совету великого писателя Чертков создал издательство «Посредник», чтобы выпускать книги, доступные простому люду. На первых порах ему пришлось лично заниматься редактированием, корректурой и художественной частью изданий.

Новое издательство поддержали виднейшие писатели России. Для «Посредника» писали А.П. Чехов и В.Г. Короленко, В.М. Гаршин и А.И. Эртель, Н.С. Лесков и И.С. Тургенев... Практическую работу по печатанию и распространению книг взял на себя известный издатель и торговец книгами Иван Дмитриевич Сытин. «Посредник» был одним из первых издательств в России, ставивших своей главной целью просвещение народа. Издательство начало работу с выпуска толстовских книжек

«Чем люди живы», «Два старика» и рассказа Н.С. Лескова «Христос в гостях у мужика».

«Успех издания, — вспоминал книгоиздатель И.Д. Сытин, — увлек Черткова. Он всей душой отдался этому делу: открыл в Петербурге контору и склад «Посредника» и привлек большую группу работников и вообще сочувствующих... Л.Н. Толстой принимал самое близкое участие в печатании, редакции и продаже книг, много вносил ценных указаний и поправок». И далее: «Книжки по тому времени вышли необыкновенные: дешевые, изящные, с рисунками Сурикова, Репина, Кившенко и других. Дешевизна их сильно помогла распространению».

С 1888 года, когда В.Г. Чертков с семьей переехал в Ржевск на постоянное жительство, небольшой хуторок под Россошью превратился на несколько лет в крупный издательский центр России. Отсюда Чертков вел по делам «Посредника» обширную переписку с известными русскими писателями и художниками. Многие из них приезжали к хозяину степного хутора, чтобы содействовать ему в большом и полезном деле. Немалую помощь в редакционной работе оказывал Черткову воронежский

писатель Александр Иванович Эртель. В 1888 году он дважды посещал Ржевск и после не раз бывал на хуторе в последние годы. В.Г. Чертков и А.И. Эртель часто обменивались письмами, в которых обсуждали вопросы, относящиеся к изданиям «Посредника», затрагивали важные мировоззренческие проблемы, вели полемику. Деятельность и взгляды Черткова нередко вызывали у Эртеля возражения, но это не помешало им навсегда сохранить добрые чувства друг к другу. «Наша почти десятилетняя переписка, — писал А.И. Эртель, — едва не сплось состоит из споров. Тем не менее, я мало кого так любил, да и он относился ко мне с трогательным чувством».

Дружба В.Г. Черткова и А.И. Эртеля благотворно сказывалась на работе «Посредника». Издателя интересовало все, что выходило из-под пера друга, который всегда шел ему навстречу. «...Перепечатайте и берите все, что вам угодно из моих писаний, — предлагал он в письме от 25 июля 1888 года, — дорогой мой Владимир Григорьевич, раз это вам покажется нужным и полезным. Я в этом случае весьма охотно отрешусь от своих прав и преимуществ. Но дать вам совет, что именно годится для «Посредника» из моих «Записок степняка», ей-Богу затрудняюсь. От них изрядно «воняет литературой», как сказал когда-то Тургенев, отзываясь о романах французских реалистов». Напротив, Л.Н. Толстой был совсем иного мнения о произведениях Эртеля. Как-то, читая его роман «Гарденины», Лев Николаевич сказал: «Теперь никто так не пишет... Ни у кого такого языка нет».

Два года прожил в Ржевске, занимаясь редакционными делами, И.И. Горбунов-Посадов. Будучи ближайшим помощником Черткова, он в последующие годы сам стал издателем «Посредника». Именно здесь, на хуторе, Владимир Григорьевич начал собирать и систематизировать рукописи Л.Н. Толстого. Много лет спустя, В.Д. Бонч-Бруевич написал А.В. Луначарскому: «...Я считаю необходимым... обратить особое Ваше вни-

мание на то чрезвычайно важное и в высшей степени радостное обстоятельство, что лично В.Г. Чертковым совершенно безвозмездно переданы в полную государственную собственность колоссальнейшие архивы подлинных толстовских рукописей и копий со многих из них, а также всевозможная переписка с литераторами, общественными деятелями, представителями науки и политики, которую Лев Николаевич Толстой вел и которую В.Г. Чертков сохранял и собирал в течение более чем сорока лет...»

Особым событием в жизни Ржевска было посещение хутора в конце марта 1894 года Л.Н. Толстым. К приезду писателя у Черткова собрались их общие друзья и знакомые. Из сотрудников «Посредника» на хуторе тогда гостили П.И. Вирюков и Е.И. Попов. Оба давно и близко были знакомы с семьей Толстых.

«Я смутился сначала мыслью, — писал жене из Ржевска Лев Николаевич, — что нас слишком много вдруг наехало, но тут столько домиков, что все разместились и, кажется, всем удобно, а нам слишком хорошо. Место здесь очень красивое, постройка на полугоре, вниз идет крутой овраг и поднимается на другой стороне, поросшей крупным лесом. Я сейчас ходил гулять и набрал подснежников».

В день приезда Л.Н. Толстого все обитатели Ржевска ужинали вместе с ним. Об этом вечере М.Л. Толстая в письме к сестре Т.Л. Сухотиной писала: «...в семь часов собрались ужинать. Здесь, кроме нас, еще Ростовцевы, потом еще какой-то господин, и еще молодой малый. Ужинают все вместе с прислугой, только женщины стряпают и потому ужинают после. Едят из одной чашки. Нам с папá поставили приборы и салфетки. Папá сварили отдельно без масла... Все очень непринужденно и естественно и так это хорошо и просто. Нас с папá поместили в отдельный домик в три комнаты, так что совсем отдельно и папá сейчас как и дома занимается».

Живописные окрестности Ржевска

произвели на Льва Николаевича такое впечатление, что на следующий день он в письме дочери сделал такую приписку: «Замечательно красивое место. Жилье на полгורה над крутым оврагом, поросшим лесом. Люди все холмы». И далее сообщал о факте, который был совсем необычен для российской помещицкой усадьбы: «Ростовцев, — писал он, — вчера раздавал 70 купленных Чертковым для самых бедных крестьян лошадей».

Во время пребывания в Ржевске Лев Николаевич не изменял своим привычкам. В полдень, отложив работу над статьей о творчестве Мопассана, он куда-нибудь ехал или отправлялся гулять. Как-то раз, не предупредив никого, он пошел в слободу Александровку к Н.Н. Иванову и засиделся у него дотемна. На хуторе забеспокоились долгим отсутствием гостя. Чертков послал в разные концы верховых с факелами, предполагая, что он заблудился. Но Лев Николаевич вскоре пришел в хутор сам — бодрый, в хорошем настроении, и очень удивился всеобщему беспокойству.

Лев Николаевич с дочерью гостили в Ржевске шесть дней. Уехали они в полдень 1 апреля по старому стилю вместе с Павлом Ивановичем Бирюковым, который сразу направился в Москву, а Толстые сделали на один день остановку в Воронеже, чтобы проведать Русановых. Месяц спустя, в краткой дневниковой записи Л.Н. Толстой назвал эту поездку «прекрасной». У власть предержащих было другое мнение на этот счет. Местные жандармы завели специальное дело «О распространении в Воронежской губернии лжеучения графа Толстого». Все время пребывания писателя в Ржевске воронежская жандармерия через своих осведомителей следила за каждым его шагом.

С той поры прошло 122 года. Место, где стоял хутор Ржевск, росошанцы и сейчас называют «толстовским». Среди жителей окрестных сел от поколения к поколению передается рассказ о странном добром помещике, который дружил

с великим писателем, печатал у себя на хуторе его запрещенные царем произведения, вникал в насущные нужды крестьян, часто помогал им, а беднякам даже лошадей бесплатно раздавал.

В 1950-е годы прошлого века от пожилых людей в Еленовке, в Лизиновке, в Россоши мне не раз приходилось слышать рассказы о посещении Л.Н. Толстым здешних мест. Когда-то в городской музей часто заходила сестра Героя Советского Союза И.А. Письменного — Евдокия Алексеевна. Когда она узнала, что музей перед ее приходом посетили потомки Чертковых, то очень сожалела, что не встретила с ними. Оказалось, ее мама, Софья Пантелеевна (в девичестве Сокирко), не раз видела В.Г. Черткова и о нем много рассказывала своим детям. Помнила она и встречу со Львом Николаевичем Толстым в 1894 году — тогда ее было 7 лет.

Писатель погладил ее по голове и спросил: «Ты ешь мясо?». Она оробела и не сообразила сразу, что ему ответить. «Мясо люди получают, убивая живых божьих тварей. Этого делать нельзя. Ты больше не ешь мясо», — посоветовал ей Лев Николаевич. Эта короткая встреча с великим старцем так повлияла на Софью Пантелеевну, что она в тот же день отказалась есть мясо и до конца жизни осталась вегетарианкой. Конечно же, я пересказал здесь этот случай не для того, чтобы читатели перестали есть мясо. Из приведенного случая видно, как велика была вера простых людей в добрые дела Толстого и его единомышленников. Почему? Потому что они приходили к народу с чистыми помыслами, и люди хорошо чувствовали это.

Ржевска уже давно нет. В 1920-х годах на хуторе организовали коммуну из крестьян-бедняков, но дело не пошло. Жители соседней Еленовки постепенно разобрали хуторские домики на свои хозяйственные нужды. Там, где они стояли, землю горбят небольшие холмы, между которыми разрослись кусты сирени.

В свое время мне пришлось здесь про-

В.Г. Чертков и Л.Н. Толстой

вести целый день вместе с Сергеем Петровичем Трегубовым, сыном кучера Черткова, который в ту незабываемую весну вез Л.Н. Толстого с железнодорожной станции Ольгино (ныне станция Митрофановка) до хутора Ржевска.

Он долго водил меня среди поросших травой холмов, которые образно назвал «печищами», и с увлечением рассказывал: «Вот здесь, у самого обрыва, окнами на пруд стоял двухэтажный дом В.Г. Черткова, а тут — небольшой домик, где поселили Льва Николаевича с дочерью». Показал, где находились дом для прислуги, каретный сарай, конюшня, ледник, кладовая и другие жилые и хозяйственные постройки. Потом мы пошли в заброшенный сад, и в густых зарослях с трудом отыскивали след некогда мощной кирпичом дороги, по которой гости Черткова въезжали в хутор.

Место, где когда-то стоял Ржевск, и теперь привлекает своей красотой. Поросшие лесом склоны оврага спускаются к широкому пруду. В прошлом веке здесь было четыре пруда, а сейчас остался один. Растущие вразброс по берегам старые вербы низко наклонили гибкие ветви к спокойной прозрачной воде. Весной здесь пахнет сиренью.

Отдельно от леса, на поросшем густою травой берегу верхнего пруда, стоят два могучих каштана. Отец рассказывал Сергею Петровичу, что каштаны эти были посажены во время приезда Л.Н. Толстого. Один посадил писатель, а другой — В.Г. Чертков. Был и третий каштан, который они сажали вместе, но он пропал во время войны.

День клонился к вечеру, когда мы с Сергеем Петровичем спустились к пруду. Приблизилось желанное время рыбалки. Облюбовав тенистый бережок, Сергей Петрович устроился на стволе поваленного дерева и забросил удочки. Я присел рядом. На противоположном берегу в ярких лучах заходящего солнца сочно зеленели два высоких каштана — единственные свидетели ушедших в прошлое событий. Пора было собираться в обратный путь, но уезжать отсюда мне не хотелось. Тени от деревьев легли уже на середину пруда. Над лесом полыхал золотисто-розовый закат, бросая отблески на застывшую воду, и тишина вокруг стояла такая, что слышно было, как вытекает из-под овражного склона ручей.

В августе 1999 года на том месте, где стоял хутор Ржевск, был установлен па-

мятный знак, свидетельствующий о большом культурном вкладе его обитателей в дело просвещения российского крестьянства. Событие это было вдвойне знаменательно тем, что в нем приняли участие потомки старинного рода Чертковых, приехавшие в Россошь из Европы и далекой Америки. Среди гостей были: Владимир Сергеевич, журналист из Лугано; его брат Николай Сергеевич, преподаватель русского языка в одном из колледжей Нью-Йорка; их сестры, Александра и Мария, и сын Николая Сергеевича — Дмитрий. Из Парижа приехал издатель Михаил Ильич Парфенов-Чертков. Елизавета Григорьевна Черткова-Рюсси, относящаяся к прямым потомкам последнего росошанского помещика из этого рода — Г.А. Черткова, приехала из Сан-Франциско. Михаил Викторович Попов-Чертков, тоже по прямой линии связанный с росошанскими Чертковыми, прибыл из Бельгии.

Современные Чертковы достойно представляют свой старинный российский род. Все они дети и внуки тех детей, которых родители увезли из России после октябрьских событий 1917 года. Их дедам и родителям пришлось в течение десятилетий выживать в неблагоприятных условиях. В любой западной стране, так или иначе, на них смотрели как на чужестранцев.

Все, чего они добились, кем стали, было достигнуто благодаря неустанному труду и способностям, которыми их наделила природа. Чертковы не только выжили и заняли достойное положение в странах, где они теперь живут, но и не перестали быть русскими во всех отношениях. Все Чертковы превосходно говорят по-русски, считая его родным языком и, как их прадеды, исповедуют православную веру. Они сами, их дети и внуки носят русские имена. А самым важным является то, что все они сохраняют любовь к России, к стране, в которой могли бы родиться. Уверен, что такие исконно русские иностранцы нужны России. Николай Сергеевич Чертков оставил в книге почетных посетителей Росошанского краеведческого музея запись: «Спасибо, что сохранили память о моих прадедах Чертковых. Не передать все эмоции и переживания. Душа моя болит и также радуется. Радуется тем, что много сохранилось, и я смогу передать это богатство своим детям.

Болею я за свою Россию и все силы приложу, чтобы помочь восстановить нашу культуру, без которой, как без воздуха, мы не выживем».

И хотелось бы надеяться, что наши связи с Чертковыми не прервутся, а будут развиваться и крепнуть, и непременно принесут добрые плоды.